

М. А. Филимонова

(Курск, Курский институт социального образования)

ХЬЮ ГЕНРИ БРЕКЕНРИДЖ И КУЛЬТУРА АМЕРИКАНСКОГО ФРОНТИРА В КОНЦЕ XVIII в.

Хью Генри Брекенридж побывал и учителем, и священником, и журналистом, и юристом, но не стяжал успеха ни на одном из этих поприщ. Неудача на атлантическом побережье заставила его

перебраться на Запад. Вся его дальнейшая жизнь оказалась связана с этим регионом. Здесь он рассчитывал способствовать прогрессу своей страны и своему собственному.

В 1781 г. Брекенридж впервые увидел группку хижин, которая впоследствии превратится в индустриальную столицу Западной Пенсильвании – Питтсбург. Питтсбург располагался там, где реки Аллегени и Мононгахела сливаются в едином русле Огайо. Свое начало он возводил к 1758 г., когда на этом месте был построен деревянный Форт-Питт. В 1768 г. поселение перешло во владение наследников Уильяма Пенна и оказалось таким образом в пределах колонии Пенсильвания. К этому моменту оно уже заметно выросло и состояло из двух групп бревенчатых хижин, гордо именовавшихся «нижним городом» (близ форта) и «верхним городом» (на берегу реки Мононгахела). После революции Питтсбург продолжал расти и к моменту приезда Брекенриджа насчитывал около 400 жителей, по большей части шотландцев, ольстерцев и немцев. Основным занятием жителей, помимо фермерства и трапперства, было строительство лодок для транспортировки людей и товаров по реке Огайо и перегонка виски. В юго-западной Пенсильвании работала примерно четверть всех перегонных кубов в США. Рисовое зерно перегоняли в виски; затем «мононгахельский рисовый» перевозили через Аллеганы и продавали на побережье по цене 50 центов за галлон. Виски был главным напитком в этих краях, равно как и общепринятой валютой [1, р. 102–103]. Наконец, Питтсбург был в то время воротами на бурно осваивавшийся «старый Северо-Запад».

Здесь Брекенридж быстро выдвинулся в число виднейших граждан Питтсбурга и заработал репутацию лучшего юриста на западе Пенсильвании, равно как и самого большого чудака среди них. Один из потенциальных клиентов вспоминал, как на попытку обратиться к Брекенриджу с какой-то юридической проблемой тот ответил: «Подите прочь, сэр. Ни один разумный человек не станет прибегать к закону. Вы когда-нибудь слышали, чтобы я прибежал к закону?» [2, р. 63] По мнению исследователей, эксцентричность Брекенриджа была отчасти обдуманной манерой поведения; он намеренно шокировал сограждан, ставя их в неловкое и смешное положение [1, р. 75].

Прежде всего, он пытался привести Питтсбург к своим стандартам культуры. В то время жители Атлантического побережья воспринимали фронтир как средоточие невежества и грубости нравов. Губернатор Нью-Джерси У. Ливингстон свысока замечал: «Сильно сомневаюсь, чтобы творения Аддисона и Стила доставили им (жителям Запада. – *М.Ф.*) больше удовольствия, чем доста-

вил бы гремучей змее зеленый чай или рафинированный сахар» [3, p. 352.]. Брекенридж, со своей стороны, был убежден, что со временем дело дойдет и до творений английской классики, а пока: «Альманах и газета – это почти все светское чтение, необходимое мирянину» [4, p. 109]. Действуя в соответствии с этим убеждением, в 1786 г. он побудил переехать в Питтсбург двух филладельфийских печатников, Джона Скалла и Джозефа Холла. Они привезли с собой печатный станок, и так была основана первая газета к западу от Аллеганских гор – «Pittsburgh Gazette». Тогда же газета приобрела свои характерные черты: серьезный характер, внимание к местным делам и вопросам бизнеса, открытость довольно широкому кругу мнений. В то же время Брекенридж старался сообщать своим читателям новости из Европы. Постоянная рубрика «Иностранные известия» предлагала вниманию читателей письма из таких далеких мест, как Копенгаген, Гаага и даже Константинополь. Регулярно публиковались и новости из Филадельфии, ставшей в 1790 г. столицей США. Брекенридж был убежден: «Кто не отдал бы полгиней, чтобы знать, что происходит каждый день в Смирне или Амстердаме, так же хорошо, как знает свое пастбище?» [1, p. 110].

В первом же номере Брекенридж пророчил Питтсбургу будущее великого промышленного центра, каковым он и стал в первой половине XIX в. и оставался вплоть до 1980-х годов [5, Aug. 26, 1786]. Кое-какие шаги в развитии промышленности произошли еще при жизни Брекенриджа. В 1792 г. питтсбургские кораблестроители создали первый шлюп под названием «Великий эксперимент», а к началу XIX столетия уже строили океанские суда, возившие товары в Европу. В 1811 г. был построен первый местный пароход. В 1797 г. начала работать мануфактура по производству стекла. Во время войны 1812–1815 гг. начала развиваться сталелитейная промышленность, принесшая Питтсбургу славу и процветание.

Брекенридж также способствовал открытию первой на фронтире книжной лавки. Кроме того, заботясь о развитии Питтсбурга, он настаивал на создании в городке церкви, но не принадлежащей ни одной из деноминаций. Небольшое население не могло бы содержать более одной церкви, но в то же время создание, например, пресвитерианской церкви было бы дискриминацией по отношению к прихожанам других конфессий [5, June 23, 1787].

В 1786 г. Брекенридж был избран в ассамблею штата. Его деятельность была весьма активной. Он отстаивал интересы своего региона: увеличение представительства западных районов в легислатуре штата, более агрессивную политику в отношении

индейцев, закрепление прав американцев на навигацию по Миссисипи, правительственную поддержку заселения Запада. Он отстаивал создание на западе нового графства (Аллеганского) и добивался от правительства штата субсидий на основании Питтсбургской академии (ныне Университет Питтсбурга), созданной по образцу знаменитой Филадельфийской академии Бенджамина Франклина, и на строительство дорог, связывающих Питтсбург с побережьем. В «Pittsburgh Gazette» Брекенридж писал: «Двери храма Януса были открыты долгое время, извергая боевые топоры и прочее оружие войны. Литературным образованием нашего юношества в то время пренебрегали. Нам подобает восстановить мирные искусства и не отставать от братских штатов. Я был бы счастлив увидеть, что Пенсильвания способна во всякое время порождать математиков, поэтов, историков и государственных деятелей, равных кому угодно в Конфедерации». Он отмечал, что университета в Филадельфии и колледжа в Карлайле недостаточно; необходимо подобное же учебное заведение на западе штата [4, р. 117].

Столь же темпераментно он изливал негодование против земельных спекулянтов с побережья. Согласно условиям ордонансов 1785 и 1787 гг., западные земли пускали в продажу крупными участками. Брекенридж отмечал: «Сейчас земли к западу от реки Огайо продаются на расстоянии, и едва ли хоть один человек в этих краях способен купить себе участок» [4, р. 118].

В то же время Брекенридж с самого начала показал, что не намерен считаться с устоявшимися убеждениями жителей фронта. Обычным убеждением западных фермеров того времени была враждебность к далекому правительству на Атлантическом побережье, отделенному от них многими днями пути. Обитатели западных поселений считали, что не получают достаточной защиты от индейской угрозы и страшились нашествия земельных спекулянтов с востока. А Брекенридж был убежден, что без сильной федеральной власти США обречены. Поэтому он выступил против движения за создание нового штата на западе Пенсильвании.

Его отношение к индейскому вопросу тоже не всегда встречало понимание на фронтире. Он высмеивал образ «благородного дикаря», считая его столь же далеким от реальности, как представления юных барышень о жизни. Он был убежден, что индейцы не имеют ни малейшего права на занимаемые ими земли; это все равно, что детская похвальба: это мое, я первый увидел! [6, р. 93–107] После разгрома войск Артура Сент-Клера индейцами племен майами, шауни и делаваров при Уобаше в ноябре 1791 г., Брекенридж утверждал, что никакой договор с индейцами невозможен, если

только не уничтожить их военную силу. После этого можно вести с племенами аборигенов торговлю [7, р. 360–361]. И в то же время он защищал двух индейцев, обвиненных в убийстве. За это один из жителей Питтсбурга вызвал его на дуэль. Брекенридж в ответ заявил, что не любит ни индейцев, ни дуэлей, разбил стул о голову оппонента и швырнул беднягу в камин [8, р. 71–86].

Еще одним пунктом разногласий между Брекенриджем и жителями Питтсбурга стала федеральная конституция 1787 г. В пенсильванской легислатуре он – единственный депутат с Запада – настаивал на принятии федеральной конституции и голосовал за созыв ратификационного конвента в своем штате. Тем большим разочарованием для него должна была стать кандидатура представителя его графства на этом конвенте. Избран был Уильям Финдли, убежденный антифедералист. По происхождению Финдли, к тому же, был ирландцем, а Брекенридж презирал эту нацию.

Брекенридж не жалел усилий, критикуя как лично Финдли, так и антифедералистов вообще на страницах «Pittsburgh Gazette». Так, одна из иронических статей Брекенриджа высмеивала опасения антифедералистов, настаивавших на включении в конституцию целого ряда дополнительных ограничений для федеральной власти. Так, автор обращал внимание, что в конституции не оговорены ни пол, ни раса кандидата в президенты, и иронически намекал на абсурдные, с его точки зрения, возможности: президентом ведь может стать женщина, негр или сервент. А зачем федеральному правительству десятимильный округ [Колумбия]? «Даже сам Вавилон... был не больше по размерам». Брекенридж также останавливался на самом уязвимом месте федеральной конституции: отсутствии билля о правах. «Но что такое, по сути, билль о правах? Это перечень тех полномочий, которыми Конгресс не располагает. Но если точно перечислено, какие полномочия у него есть, зачем нужен каталог тех, которых у него нет?» И затем он саркастически перечислял преувеличенные последствия отсутствия билля о правах. Раз не оговорена свобода совести, то это означает отмену катехизиса. Нет гарантий свободы печати – значит, американским газетам отныне придется ограничиться публикацией объявлений об украденных лошадях или беглых рабах. Нет упоминания о суде присяжных – и что же теперь будет с юристами? Но нужны ли специфические гарантии всех этих прав, очевидных для американца? Ведь, в конце концов, и право брить бороду в конституции тоже не оговорено [4, р. 126–127]. К тому времени Брекенридж заработал репутацию единственного федералиста на фронтире [9, р. 108].

Бескомпромиссная защита федерального правительства привела к тому, что новые выборы в ассамблею Брекенридж проиграл. По-

мимо прочего, прошел слух, что Брекенридж считает своих новых сограждан глупцами, чье мнение он может с легкостью повернуть при помощи своей газеты. Попытки оправдаться не имели успеха.

Между тем федералистские убеждения Брекенриджа оказались недолговечными. «Гамильтоновская система» сильно пошатнула их. Брекенридж критиковал ее в своей газете.

В 1790 г. Александр Гамильтон, новоиспеченный министр финансов в федеральном правительстве, занялся проблемой государственного долга США. Он настаивал на том, чтобы Конгресс взял на себя как военный долг Конфедерации, так и долги штатов, всего ок. 80 млн. долл. Для погашения долга он предлагал ввести акциз на производство и продажу спиртных напитков. Соответствующий закон был принят Конгрессом в марте 1791 г. [10, р. 2384–2406]. Его поддержали обе партии – как правящая федералистская, так и оппозиционная джефферсоновская.

Но фермеры Запада немедленно начали протестовать. Особенно активным было сопротивление акцизу в четырех западных графствах Пенсильвании (Аллеганское, Вашингтон, Файет, Уэст-морленд), центром которых был Питтсбург. Как уже говорилось, производство виски было одной из важнейших местных отраслей и серьезным источником дохода. Новый акциз мог угрожать благополучию фермеров. Ситуация постепенно накалялась.

В то же самое время поляризации общественного мнения в США способствовала Французская революция. Первоначально восторженная с энтузиазмом чуть ли не всеми американцами, впоследствии она оттолкнула многих своим радикализмом. Такие события, как свержение монархии, казнь Людовика XVI, установление якобинской диктатуры, никак не укладывались в представления американцев об «идеальной революции». Федералисты постепенно приходят к отчетливо антифранцузской политике. Джефферсоновские республиканцы по-прежнему были настроены доброжелательно по отношению к «республике-сестре». Но лидеры обеих партий равно опасались втягивания США в войну Франции с коалицией монархических держав.

Поддержка Французской революции среди рядовых американцев достигла пика в 1793–1794 гг. В это время появились «демократические республиканские общества», ставившие своей целью укрепление дружбы с Францией и во многом скопированные с сети якобинских клубов. Всего таких обществ было 35, и они функционировали во всех штатах, кроме Род-Айленда и Джорджии [11, р. 457].

Брекенридж в республиканских обществах не состоял, но вполне разделял их отношение к Франции. Его первоначальный

восторг перед Французской революцией мог бы шокировать многих джефферсоновцев. Так, он объявил, что казнь Людовика трогает его «ничуть не больше, чем казнь любого другого злодея» и острел: «Луи Капету капут» [1, р. 75; 11, р. 356].

Примерно тогда же Брекенридж поссорился со своим издателем и начал выпускать новую газету в пику ему. Он действовал по уже отработанной схеме: привез из Филадельфии печатника по имени Джон Израэль и начал выпуск нового издания с характерным названием «Tree of Liberty», намекавшим на обычай французских революционеров сажать «деревья свободы» [7, р. 11]. «Pittsburgh Gazette» между тем приобрела федералистскую направленность.

Внутренняя политика США для Брекенриджа оставалась связанной с ненавистным акцизом. Среди его противников в Западной Пенсильвании были не только фермеры. Акциз осудили «республиканские общества». Против него выступили видные политики Запада: будущий министр финансов А. Галлатин; глава пресвитерианской церкви западных графств Дж. Эдгар; У. Финдли, ставший к тому времени сенатором [12, р. 80, 88–91, 106, 146–147, 184, 243; 13, с. 128–129]. По впечатлениям Брекенриджа, «одного слова в защиту закона [об акцизе] было достаточно, чтобы погубить человека. Такое считалось клеймом торизма» [14, р. 17].

Фермеры отказывались в знак протеста от производства виски, уклонялись от уплаты налога, вываливали сборщиков в смоле и перьях. Состоялось несколько собраний, обсуждавших меры сопротивления акцизу. Наиболее решительное прошло в августе 1792 г. в Питтсбурге. Брекенридж не присутствовал, хотя выступал против акциза и защищал группу мятежников от обвинения, выдвинутого пострадавшим сборщиком налогов. Тон задавали радикалы из «Республиканского общества Минго-Крик». Они создавали комитеты связи, воздвигали «столпы свободы» в подражание временам Войны за независимость, и взяли под свой контроль местную милицию [13, с. 131–141; 9, р. 122–123].

Последней каплей, спровоцировавшей открытое восстание, стал ряд судебных процессов против фермеров, не зарегистрировавших свои перегонные кубы, в первой половине 1794 г. 16 июля вспыхнула перестрелка у дома акцизного инспектора Дж. Невилла, в результате которой был убит один из повстанцев. На следующий день дом Невилла был сожжен. Акцизному инспектору удалось скрыться, но в плен к восставшим попали полковник П. Невилл и федеральный шериф [13, с. 147–148].

Как уже говорилось, Брекенридж в целом сочувствовал фермерским протестам. Он писал: «Это было сопротивление демокра-

тического нищего Запада нападкам аристократических денежных мешков с Востока. Народ почувствовал, что его облагают налогами лишь для того, чтобы укрепить на его шее ярмо плутократов». Он считал, что акциз – это лишь первая из задуманных федеральным правительством тиранических мер; что жители фронта реагируют не только на налогообложение. Проблемы во взаимоотношениях Запада и Востока были куда более сложны и включали вопросы индейской политики, навигации по Миссисипи и ориентированной на кредиторов государства «гамильтоновской системы» [15, р. 119]. В то же время лидеры восстания Джеймс Маршалл и Дэвид Брэдфорд не вызывали у Брекенриджа симпатии; ему казалось, что ими движут неудовлетворенные амбиции или желание известности [14, р. 17]. Честолюбие и амбиции он считал самыми опасными качествами для республиканского строя; в своем романе «Современное рыцарство» он сравнивал амбиции с анчаром, отравляющим даже воздух вокруг себя [16, р. 148]. Он также был глубоко убежден, что протесты должны оставаться в рамках закона. Это поставило его в особое и очень уязвимое положение: не примкнув к повстанцам, он в то же время оказался на подозрении у федеральных властей и вынужден был пережить весьма неприятные дни, когда в начале ноября федеральные войска оккупировали Питтсбург. Отряд драгун схватил Брекенриджа и едва не повесил его. Его обвинили в предводительстве повстанцами, но командовавший федеральными войсками Гамильтон помиловал его [14, р. 198; 9, р. 242].

В том же бурном 1794 г. Брекенридж выдвинул свою кандидатуру на выборах в Конгресс, без особенной надежды на победу, но считая, что отступить после всего происшедшего было бы трусостью. Его легко обошел его соперник Альберт Галлатин.

После бурных событий «мятежа из-за виски» Брекенридж занялся юриспруденцией и литературой. Но он не мог отказаться от политики. К 1798 г. он стал лидером джефферсоновской партии в Западной Пенсильвании.

В 1799–1814 гг. Брекенридж занимал пост в составе Верховного суда Пенсильвании. Юридическая деятельность не поглощала всего его времени. Став судьей, Брекенридж переселился в Карлайл, где стал одним из попечителей дикинсоновского колледжа. И одновременно из-под его пера изливался поток сатир, рассказов и проповедей. В 1792–1815 гг. создан его шедевр «Современное рыцарство» – длинный комический роман в подражание «Дон Кихоту» и «Тому Джонсу». Герой, капитан Джон Фарраго, покидает свою ферму на фронтире с желанием повидать мир. Его сопровождает слуга Тиг. Роман жестко высмеивал невежество и жадность

народа, избирающего лицемерных и коррумпированных лидеров. В течение полувека роман оставался одним из самых популярных в США.

Брекенридж саркастически отмечал: «Для должностных лиц совсем неплохо... что я пишу безобидную чепуху, вместо того, чтобы критиковать их поведение» [16, р. 182]. Но тут он лукавил: в «Современном рыцарстве» не было недостатка в сатирических эпизодах, высмеивавших как амбициозных политиков, так и доверчивых избирателей. Автор с удовольствием описывал попытки невежественного и неграмотного Тига занять какую-нибудь выборную должность. Не чужд властолюбия и капитан Фарраго. В одном из эпизодов романа он занимает пост губернатора вновь созданного западного штата и вскоре уже требует для себя титула «его превосходительство» и устраивает утренние приемы на манер европейских королей.

Брекенридж также воспользовался случаем изложить свои взгляды на идеальный политический строй. Американская модель демократии не отвечала его представлениям. Он писал: «Народ является сувереном, и весьма деспотическим, но в целом справедливым». Его идеальная республика была скорее меритократической, управляемой элитой, подобранной не в силу богатства, а в силу таланта и честности [16, р. 39–40]. В соответствии с этим он выступал против имущественных цензов на выборах: «Свободное правление – самое хрупкое из всех, и его невозможно сохранить, если любовь к деньгам поощряется и служит единственным доказательством патриотизма» [17, р. 48].

В наше время исследователи ставят Брекенриджа у истоков той традиции в американской литературе, которую продолжил впоследствии Марк Твен [18, с. 725]. Подобно ему, Брекенридж часто приходил в отчаяние при виде безумств американцев, так что в «Современном рыцарстве» иногда видели сатиру на демократию вообще [см.: 19, с. 78].

Согласно выводам исследователя С. Уоттса, Брекенридж приветствовал и франклиновскую этику с ее апологией честно нажитого богатства, и классическую республиканскую добродетель самоотречения во имя общественного блага. Таким образом, он находился где-то на полпути между традиционным и буржуазным видением мира [17, р. 49]. С точки зрения Дж. Дж. Эллиса, Брекенридж тосковал по прошлому, отыскивая идеал то в античных республиках, то в средневековом рыцарстве, что сближало его с ненавистными ему федералистскими авторами [1, р. 76]. Действительно, Брекенридж так и не вписался до конца ни в общество американского Востока, ни Запада, не стал полностью ни федералистом,

ни джефферсоновцем. Для федералистов после мятежа из-за виски он был «президентом Якобинского общества... герольдом бунта, биографом мятежников» [5, Dec. 21, 1799]. Но и для обитателей Запада он так и не стал своим. Сам Брекенридж в приступе пессимизма сравнивал свою жизнь с положением «путешественника на острове Борнео... Тысяча обезьян прыгает и кричит среди деревьев и забрасывает караван экскрементами» [20, Sept. 13, 1800].

Не только «Современное рыцарство», но и вся деятельность Брекенриджа стала вкладом в зарождение региональной культуры американского фронта – специфической части общей идентичности молодой нации. При этом Брекенридж вовсе не подчеркивает признанные преимущества Запада, такие, как дух первопроходцев или республиканизм фермеров. Скорее, он поставил своей целью утвердить ценность фронта через «подтягивание» региона к стандартам атлантического побережья. Создавая в Питтсбурге институты просветительской культуры – типографию, газету, наконец, романистику, – он отвергает распространенный стереотип невежественного Запада, старается вписать регион в общее русло национальной американской культуры. Но нельзя не видеть и того, что «Современное рыцарство» опирается на британские модели «романов-путешествий» – Свифта, Смоллетта, Стерна. Как и многие его современники – Н. Уэбстер в лингвистике, Дж. Морзе в географии и др. – он пытался определить американскую идентичность через коррекцию в новом республиканском духе традиционных европейских культурных образцов.

Литература

1. *Ellis, J. J.* After the Revolution: Profiles of Early American Culture / J. J. Ellis. N. Y.; London, 1979.
2. *Brackenridge, H. M.* Recollections of Persons and Places in the West / H. M. Brackenridge. Philadelphia, 1834.
3. *Livingston, W.* Papers: 5 vols. / W. Livingston / ed. by C. E. Prince e.a. Trenton, 1979–1988. Vol.5.
4. A Hugh Henry Brackenridge Reader, 1770–1815 / ed. by D. Marder. Pittsburgh, 1970.
5. Pittsburgh Gazette.
6. *Brackenridge, H. H.* Gazette Publications / H. H. Brackenridge. Carlisle (Pa.), 1806.
7. *Stewart, D. H.* The Opposition Press of the Federalist Period / D. H. Stewart. Albany (NY), 1969.
8. *Newlin, C. M.* The Life and Writings of Hugh Henry Brackenridge / C. M. Newlin. Princeton, 1932.
9. *Hogeland, W.* The Whiskey Rebellion: George Washington, Alexander Hamilton, and the Frontier Rebels Who Challenged America's Newfound Sovereignty / W. Hogeland. N. Y., 2010.
10. Annals of Congress. 1st Congress. App.

11. *Elkins, S.* The Age of Federalism. The Early American Republic, 1788–1800 / S. Elkins, E. McKittrick. N.Y.; Oxford, 1993.
12. The Democratic-Republican Societies, 1790–1800. A Documentary Source-Book of Constitutions, Declarations, Addresses, Resolutions, and Toasts / ed. by P. S. Foner. Westport-London, 1976.
13. *Шпотов, Б. М.* Фермерское движение в США, 1780–1790-е гг. / Б. М. Шпотов. М., 1982.
14. *Brackenridge, H. H.* Incidents of the Insurrection / H.H. Brackenridge; ed. by D. Marder. New Haven, 1972.
15. *Baldwin, L. D.* Pittsburgh: The Story of a City, 1750–1865 / L. D. Baldwin. Pittsburgh, 1970.
16. *Brackenridge, H. H.* Modern chivalry: or The adventures of Captain Farrago and Teague O'Regan/ H. H. Brackenridge. Philadelphia, 1846.
17. *Watts, S.* The Republic Reborn: War and the Making of Liberal America, 1790–1820 / S. Watts. Baltimore, 1989.
18. История литературы США: в 5 т. М., 1997–2009. Т. 1.
19. Писатели США: Краткие творческие биографии / сост. Я. Засурский и др. М., 1990.
20. Tree of Liberty (Pittsburgh).